

СТАНОВЛЕНИЕ ВИДОВОЙ ПАРАДИГМЫ ЗАИМСТВОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ

Негматова Навруза Нодировна

Преподаватель кафедры русского языка и
литературы Самаркандского государственного
педагогического института

Пардаева Дилобар

Студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс интеграции иноязычных глаголов в грамматическую систему русского языка, в частности, механизмы формирования видовой парадигмы. Анализируется феномен двувидовости как переходного этапа и последующая коррелятивная дифференциация. Особое внимание уделяется морфологическим стратегиям адаптации и влиянию семантического контекста на выбор видового показателя.*

***Ключевые слова:** заимствованные глаголы, видовая парадигма, категория вида, двувидовость, морфологическая адаптация, перфективация.*

***Abstract.** The article examines the integration of foreign verbs into the grammatical system of the Russian language, focusing on the mechanisms of aspectual paradigm formation. The phenomenon of biaspectuality is analyzed as a transitional stage followed by correlative differentiation. Special attention is paid to morphological adaptation strategies and the influence of semantic context on the choice of aspectual markers.*

***Keywords:** borrowed verbs, aspectual paradigm, aspect category, biaspectuality, morphological adaptation, perfectivation.*

Процесс проникновения иностранных лексем в глагольную систему русского языка представляет собой не просто акт

механического пополнения словаря, но сложную процедуру «грамматической перековки». Когда иноязычная основа пересекает порог русской морфологии, она сталкивается с одной из самых жестких и специфических структур — категорией вида. В отличие от многих индоевропейских языков, где временные формы доминируют над качеством протекания действия, русский язык требует от любого глагола четкого самоопределения: является ли он выражением завершенного предела или же описывает бесконечный процесс. На начальном этапе вхождения заимствованного глагола наблюдается состояние, которое лингвисты часто называют «морфологическим нейтралитетом». Глагол заимствуется как двувидовой. Такая форма — это своеобразная «лингвистическая пауза», позволяющая слову обжиться в новом контексте без немедленного приращения аффиксов. Глагол заходит в язык «обнаженным», лишенным привычных для нас приставок и суффиксов, и лишь со временем начинает примерять на себя русские грамматические «одежды».

Критический взгляд на проблему двувидовости, представленный в работах современных лингвистов, подчеркивает, что эта стадия не является признаком ущербности лексемы. Напротив, это свидетельствует о высокой адаптивной способности системы. Двувидовость — это способ избежать перегрузки памяти носителей языка на этапе, когда семантика слова еще не до конца освоена. Однако закон экономии и стремление к однозначности неизбежно подталкивают систему к созданию видовой пары. Формирование видовой парадигмы обычно начинается с процесса перфективации. Заимствованный глагол, первоначально воспринимаемый как нейтральный, начинает обрывать

приставками. Здесь вступает в силу тонкая игра префиксации. Интересно, что выбор приставки часто диктуется не только грамматикой, но и «внутренним ритмом» слова, его сочетаемостью с уже существующими в языке моделями. Например, глаголы на -ировать долгое время сопротивлялись расщеплению, сохраняя двувидовой статус, что создавало определенную стилистическую дистанцию. Литературоведческие разборы текстов эпохи модернизма показывают, как авторы использовали эту «неопределенность» заимствованных глаголов для создания эффекта отчужденности и техничности повествования [3, с. 88].

Механизм адаптации можно сравнить с встраиванием нового элемента в сложный часовой механизм. Если элемент слишком велик или мал, он либо отторгается, либо деформируется. Заимствованный глагол деформируется в сторону русской видовой бинарности. В последние десятилетия процесс «видового созревания» ускорился. Если раньше глагол мог оставаться двувидовым десятилетиями, то современные заимствования (например, из сферы IT) обретают видовую пару практически мгновенно через суффиксацию или использование наиболее продуктивных приставок, таких как за-, от-, про-. Сложность заключается в том, что заимствованная основа несет в себе чужую лексическую энергию. При столкновении с русской приставкой происходит микро-взрыв смыслов. Носитель языка подсознательно ищет наиболее естественный способ выразить завершенность, не искажая при этом исходного значения. Это ведет к появлению так называемых «видовых суррогатов», когда одна форма временно замещает целую парадигму, пока не выкристаллизуется устойчивая корреляция.

Важным аспектом является роль контекста. В научной литературе подчеркивается, что именно синтаксическое окружение «вынуждает» двувидовой глагол проявлять те или иные свойства. Это напоминает химическую реакцию: в присутствии определенных реагентов (наречий времени, обстоятельств цели) скрытая видовая природа заимствования проявляется вовне. Однако язык стремится к тому, чтобы значение было зашито в самой морфеме, а не зависело от окружения. Становление видовой парадигмы — это путь от хаоса потенциальных значений к строгому порядку бинарных оппозиций. Этот процесс отражает глубокую потребность русского языкового сознания структурировать мир через призму предела и длительности, не допуская двусмысленности даже в отношении самых современных и технологичных понятий, пришедших извне.

Переход от первичной двувидовости к стабильной видовой паре в системе заимствованного глагола знаменует собой триумф русской грамматической традиции над лексическим импортом. Если на первом этапе слово адаптируется фонетически, то второй этап — это фаза глубокого морфологического встраивания. Основным инструментом здесь выступает не только префиксация, но и вторичная имперфективация, создающая симметричную оппозицию. Этот процесс можно сравнить с огранкой алмаза: из аморфной иноязычной основы высекаются четкие грани заверщенного и незавершенного действий.

Особое внимание лингвистов привлекает конкуренция суффиксов *-ировать* и *-изовать*. Исторически эти морфемы служили главными проводниками европейской глагольной лексики. Глаголы на *-ировать* долгое время воспринимались как «герметичные»

единицы, чья видовая принадлежность определялась исключительно прагматикой высказывания. Однако современная языковая динамика показывает, что даже эти устойчивые формы начинают расщепляться. Например, появление пар типа аннотировать — проаннотировать свидетельствует о том, что язык стремится ликвидировать «серые зоны» в своей грамматической карте. Критики языковых процессов указывают на то, что в последние десятилетия в русском языке сформировалась мощная тенденция к избыточности видовых маркеров. Это проявляется в том, что заимствованный глагол, едва закрепившись в языке, моментально подвергается атаке суффикса -ыва-/ива-. Один из теоретиков грамматики метко заметил, что русский язык обладает своего рода «морфологическим аппетитом»: он не просто принимает чужое слово, он стремится его «переварить», разложив на понятные и управляемые части. Это ведет к тому, что смысловые оттенки, которые в языке-источнике передавались синтаксически, в русском языке кристаллизуются внутри слова. Глагол, пришедший из английского или немецкого языка, несет в себе идею действия как факта. Но попадая в пространство русской речи, он обязан выбрать между «фактом-результатом» и «фактом-процессом». В результате возникают интересные лексические дублеты. Как подчеркивают современные исследователи, часто выбор между префиксацией (сформировать) и суффиксацией (формировывать) зависит от того, насколько глубоко слово проникло в разговорный пласт [4, с. 289]. Чем «народнее» становится термин, тем активнее он обрастает привычными русскому уху суффиксами.

Интересен феномен «видовой дефектности», когда заимствованный глагол застревает на полпути. Некоторые лексемы упорно сохраняют статус *perfectiva tantum* или *imperfectiva tantum*. Это часто связано с семантическим ограничением: если действие по своей природе не подразумевает длительности (например, моментальный технический акт), язык может долго игнорировать создание пары незавершенного вида. Однако такие случаи остаются исключением, подтверждающим общее правило тотальной корреляции. Критический разбор неадаптаций (глаголов типа хайпить, гуглить, постить) выявляет неожиданную продуктивность модели на -и-ть. Эти глаголы практически не проходят стадию долгой двувидовости. Они мгновенно включаются в систему видовых оппозиций благодаря своей краткости и морфологической прозрачности. Здесь мы видим, как современный язык отказывается от тяжеловесных суффиксов прошлого в пользу динамичных моделей, которые позволяют создавать видовые пары по аналогии с исконно русскими глаголами типа купить — покупать [1, с. 94].

Становление видовой парадигмы заимствованных глаголов — это непрекращающийся диалог между глобализацией и национальной традицией. Русский язык демонстрирует поразительную устойчивость: принимая тысячи новых понятий, он не меняет свою грамматическую архитектуру, а заставляет пришельцев подчиняться законам вида. Изучение этого процесса позволяет не только понять механизмы языковой эволюции, но и увидеть, как в капле морфологического процесса отражается океан национального мировосприятия, где время всегда имеет качественную, а не только количественную характеристику.

Список использованной литературы:

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. — Л.: Наука, 1976.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
3. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1970.
4. Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000.